

КЪ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИСИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

Въ исторіи внутренняго развитія нашего государства 1767-й годъ отмѣченъ одною изъ самыхъ смѣлыхъ по времени и широко задуманныхъ правительственныхъ мѣръ,—созывомъ со всѣхъ концевъ Имперіи выборныхъ депутатовъ, для составленія проекта Новаго Уложенія, которое соотвѣтствовало-бы потребностямъ гражданскаго строя разнороднаго населенія государства. Какъ извѣстно, мысль о созывѣ депутатовъ и Новомъ Уложеніи принадлежитъ самой императрицѣ Екатерицѣ II. Сборнымъ пунктомъ для депутатовъ первоначально назначена была Москва. Всѣ губервіи, уѣзды и города, всѣ правительственныя учрежденія и мѣста, всѣ сословія должны были прислать сюда своихъ депутатовъ; депутаты призывались отъ дворянства и духовенства, отъ купечества и мѣщанъ, отъ однодворцевъ, отъ податныхъ солдатъ и служилыхъ людей, отъ государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ, козацкихъ войскъ и всѣхъ кочующихъ племенъ и народовъ. Всѣ депутаты должны были представить *наказы*, т. е. записки объ общественныхъ нуждахъ и желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ. Депутатамъ усвоилось высокое значеніе, имъ присвоены были нѣкоторыя особыя права: они освобождались на всю жизнь отъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія; ихъ имѣнія могли быть конфискованы только за долги; за преступленія противъ ихъ личности и собственности полагалось двойное наказаніе; сверхъ того они получали особыя значенія; имъ давалось также определенное

жалованье. Само избраніе въ депутаты обставлено было нѣкото-
рою торжественностью, названо «обрядомъ» и велось по особой ин-
струкціи, которая, вмѣстѣ съ высочайшимъ манифестомъ о созывѣ
депутатовъ, была отправлена во всѣ 20 тогдашнихъ губерній. Для
сбора депутатовъ въ Москву назначенъ былъ полугодичный срокъ
со дня обнародованія манифеста (14 декабря 1766 г.). 30-го іюля
слѣдующаго года засѣданія коммисіи, образованной изъ депута-
товъ, открылись въ Москвѣ; императрица вручила ей свой собствен-
ный наказъ, обрядъ управленія дѣйствіями коммисіи и генераль-
прокурорскій наказъ; коммисія избрала для себя маршала и под-
раздѣлилась на нѣсколько частныхъ коммисій, дѣятельность кото-
рыхъ заключалась въ разборкѣ и обсужденіи депутатскихъ нака-
зовъ и проекта законовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго
благоустройства. 18 февраля 1768 года коммисія была переведена
въ Петербургъ и засѣданія ея продолжались съ прежнимъ харак-
теромъ до 18 декабря 1768 года, когда, по случаю турецкой
войны, большое собраніе было распущено и остались только ча-
стные коммисіи.

Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ коммисія вела прото-
колы или дневныя записки своимъ засѣданіямъ, о правильности
коихъ заботилась сама императрица. Теперь эти протоколы изданы
императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ¹⁾, а вмѣстѣ
съ ними начали издаваться и самые депутатскіе наказы²⁾, которые
вообще имѣютъ едва-ли не большее значеніе, чѣмъ самыя дневныя
записки, такъ какъ въ нихъ и въ разъясненіяхъ къ нимъ разбро-
сана такая масса фактическихъ данныхъ, по которымъ историкъ
можетъ воспроизвести теперь картину тогдашней жизни со всѣми
мѣстными ея особенностями. Къ сожалѣнію доселѣ издана лишь
незначительная часть этихъ наказовъ, и сохранились-ли они всѣ
въ цѣлости и какъ скоро могутъ быть изданы, намъ неизвѣстно.
Тѣмъ болѣе для меня побужденій къ изданнымъ уже матеріаламъ

1) Въ IV, VIII, XIV, XXXII и XXXVI томахъ его «Сборника»; первые
три тома изданы подъ редакціей Палѣнова, остальные—проф. Сергѣевича.

2) Систематическое изданіе ихъ начато съ XLIII тома, гдѣ помѣщены наказы,
даваемые присутственными мѣстами: но и въ прежнихъ томахъ они помѣщались въ
приложеніяхъ.

присоединить нѣсколько новыхъ, заимствуемыхъ мною изъ двухъ большихъ дѣлъ харьковскаго губернскаго правленія. Матеріалы эти рисуютъ намъ какъ самые выборы въ комисію, какъ они происходили въ губерніи слободско-украинской, недавно передъ тѣмъ образованной изъ Слободской Украйны, или слободскихъ полковъ, такъ и дальнѣйшую роль выбранныхъ здѣсь депутатовъ. Тутъ мы видимъ губернію въ сословіяхъ и лицахъ, видимъ, кто и каковы были избиратели, какъ собирались они по группамъ и мѣстамъ, какихъ качествъ депутатовъ и кого именно избирали, какими волновались заботами, какія дѣлали заявленія и какъ эти заявленія проводились и поддерживались выборными въ самой комисіи. Все это имѣеть, какъ мнѣ кажется, не только мѣстный, но и общій историческій интересъ. Начнемъ съ открытія выборовъ.

Покойный Поляновъ, одинъ изъ редакторовъ по изданію матеріаловъ сватерининской комисіи, рассказавъ намъ исторію депутатскихъ выборовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, замѣчаетъ: «въ другихъ городахъ, и можно сказать почти повсемѣстно, выборы происходили такимъ-же образомъ, какъ и въ столицахъ»¹⁾. Относительно общаго порядка это совершенно вѣрно: вездѣ выборы происходили по одной и той-же инструкціи; но провинція въ примѣненіи инструкціи даетъ много характерныхъ и въ бытовомъ отношеніи интересныхъ подробностей. Такъ было и въ новообразованной слободско-украинской губерніи. Вотъ какъ начались и производились здѣсь выборы.

Въ то памятное время харьковскимъ губернаторомъ былъ Щербининъ. На его имя присланы и отъ него разсылались экземпляры высочайшаго манифеста о комисіи для составленія проекта Новаго Уложенія. Отдѣльными учрежденіями въ Харьковѣ были тогда Коллегіумъ, Вотчинная Контора и Духовное Правленіе; они первые и получили манифестъ. Губернія дѣлилась тогда на 5 провинцій, а каждая провинція на извѣстное число комиссарствъ; въ каждую провинцію было отправлено по 150 экземпляровъ манифеста и «обряда» выборовъ, а въ харьковскія комиссарства по 50. Разсылка производилась съ парочными, посредствомъ эстафеты. Начальники провинцій, по тогдашнему

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. IV, стр. 23.

названію «правлящіе воеводскую должность», разсматривали манифестъ комиссарамъ, комиссары по мѣстечкамъ. Въ три слѣдующіе затѣмъ воскресные дня манифестъ читанъ былъ въ церквахъ и ратушахъ; дворянамъ дѣлалась особая честь, каждому изъ нихъ давалось по одному печатному экземпляру. По общему отъ губернатора указу жители мѣстечекъ должны были прислать своихъ повѣренныхъ въ комиссарства для выбора уѣздныхъ повѣренныхъ къ 15 марта, уѣздные повѣренные явиться въ провинціальныя города для выбора провинціального депутата къ 18 марта, дворяне и земельные собственники, не положенные въ окладъ, съѣзжаться въ провинціальныя города къ 18 марта, а жители города Харькова и остальныхъ четырехъ провинціальныхъ городовъ приступить къ выборамъ 26 марта. Въ Харьковѣ выборы производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самаго Щербинина, въ провинціяхъ подъ наблюденіемъ «правлящихъ воеводскую должность», а въ комиссарствахъ подъ наблюденіемъ комиссаровъ. Заготавливались списки избирателей, баллотировочныя ящики, шары и т. п. Все населеніе пришло въ необычное движеніе; выборы не касались лишь «подданныхъ», т. е. владѣльческихъ и монастырскихъ крестьянъ. Дворяне и жители городовъ непосредственно выбирали изъ своей среды депутатовъ, войсковые обыватели предварительно должны были выбрать повѣренныхъ, которые уже изъ своей среды выбирали депутата. Права послѣднихъ были такимъ образомъ ограничены по сравненію съ дворянами и горожанами, и сдѣлано это было, по всей вѣроятности, для того, чтобы каждое изъ этихъ сословій выставило по равному числу депутатовъ: дворяне 5, горожане 5 и войсковые обыватели тоже 5, всего 15.

Приступили къ составленію списковъ избирателей, въ томъ числѣ и дворянъ; но тутъ на первыхъ-же порахъ встрѣтилось неожиданное недоумѣніе. Дворянъ въ точномъ смыслѣ этого слова въ слободско-украинской губерніи изъ ирродныхъ жителей не оказалось; были только владѣльцы населенныхъ и не населенныхъ мѣстностей, выходившіе изъ рядовъ полковой и сотенной старшины. Но нашлось не мало пришлыхъ людей, которыхъ нельзя было не признать настоящими дворянами; то были въ большей части великорусскіе и иностранцы, военные и гражданскіе чины, владѣвшіе крупною поземельною собственностію на территоріи слободско-украинской гу-

берни, вмѣстѣ съ подданными и значительнымъ количествомъ настоящихъ крѣпостныхъ крестьянъ, большею частью переведенныхъ изъ сѣверныхъ губерній. Возникшее недоумѣніе разрѣшено, кажется, въ томъ смыслѣ, что обѣ означенныя группы землевладѣльцевъ соединились для выборовъ, но въ протоколахъ и на подписяхъ каждая шла подъ своимъ точнымъ названіемъ. Крупнѣйшими номѣщиками-дворянами оказались слѣдующіе: *въ харьковской провинціи*—графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, имѣвшій 1,206 душъ крестьянъ, полковникъ Матвѣй-Кузиковскій 878, майорша Шидловская 1,325, княгиня Кантемирова 643, дѣйствительная статская совѣтница Сичинская 2,131, отставной секундъ-майоръ Щербининъ 1,858; *въ сумской*—отставной полковникъ Степанъ Кондратьевъ 5,958, отставной секундъ-майоръ Анненковъ (по женѣ Кондратьевой) 5,071, отставной ротмистръ Савичъ 709, отставной сотникъ Василій Савичъ 1,631, бунчуковый товарищъ Иванъ Лизогубъ 708, поручикъ сумскаго гусарскаго полка Куколь-Иснопольскій 622, полковникъ графъ фонъ-Волькенштейнъ 652, бунчуковый товарищъ Василій Полуботокъ 1,523, князь Голицынъ 4,514, духовникъ ея величества Дубянской 1,792, князь Шаховской 797; *въ ахтырской*—вдова майорша Анна Надаржинская 1,315, полковникъ гусарскаго ахтырскаго полка Подгоричани 642, вдова поручица Осипова 791, подпоручикъ преображенскаго полка Коновницынъ 905, отставной премьеръ-майоръ Абаза 809; *въ изюмской*—майоръ Зарудневъ 854, поручикъ Данилевскій 622, Осипъ Сошальскій съ братьями 605, Краснокутская 1,283, Екатерина Шидловская, вдова майора, 747, Настасія Захаржевская, вдова полковника, 2,614; *въ остроожской*—бригадиръ Степанъ Тевяшовъ 2,657, полковникъ Тевяшовъ 4,256, судья Федоръ Татарчуковъ 961, капраль Александръ Ерошевскій 847. Значительная часть этихъ крупныхъ владѣльцевъ и часть мелкихъ уклонилась отъ выборовъ; тѣмъ не менѣе количество сѣхавшихся было все такъ значительно. Въ Харьковъ пріѣхало 52 чело-вѣка, не явилось 35 чело-вѣкъ, послѣдніе заявили, что полагаются при выборахъ во всемъ на своихъ товарищей.

Въ числѣ ихъ нужно отмѣтить такихъ важныхъ владѣльцевъ, какъ графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, графъ, генераль-аншефъ Девіерт, госпожа Дунинова, княгиня Софья Кантемирова, полковой обозный Иванъ Ковалевскій и нѣкоторые другіе. Изъ числа при-

бывшихъ 52 человекъ трое въ самомъ началѣ неизвѣстно куда улизнули; изъ нихъ сотникъ Голуховичъ и подпрапорный Краснокутскій вовсе не были разысканы, а подпрапорный Чернякъ, хотя и былъ разысканъ, но оказался пьянымъ, при началѣ выборовъ учинялъ замѣшательство и потому изъ собранія былъ выведенъ. Всѣ три изъ списковъ исключены. Оставшіеся затѣмъ приступили къ выбору изъ своей среды предводителя, и выборъ палъ на бывшего харьковскаго полковника Матвѣя Куликовскаго. Вотъ что гласитъ объ этомъ дворянскій протоколъ. «По силѣ манифеста ея императорскаго величества отъ 14 декабря 1766 года, коимъ самодержавною ея властью повелѣно намъ нижеподписавшимся избрать въ комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія депутата и прислать его въ столицу ея императорскаго величества въ сенатъ, мы помѣщики-дворяне и старшины прежней козацкой службы и старшинскія дѣти, имѣющіе во владѣніи своемъ недвижимыя имѣнія въ харьковскомъ уѣздѣ, по присланному при томъ манифестѣ «*обряду*», въ знакъ нашего всеподданнѣйшаго послушанія, прежде всего выбрали предводителемъ дворянства, для лучшаго между собой порядка, изъ своихъ братьевъ, нами признаннаго по чистой совѣсти способнымъ къ сей должности, отъ арміи подполковника, бывшего слободскимъ козацкимъ полковникомъ, Матвѣя Прокофьевича Куликовскаго, давая ему власть на два года на случай какихъ-либо повелѣній, которая верховная власть можетъ дать нашему обществу». Приступивъ въ слѣдъ за этимъ къ выбору депутата, собраніе избрало въ это званіе того-же Куликовскаго, а на мѣсто его предводителемъ былъ избранъ секундъ-маіоръ *Дунинъ*. Въ сумской провинціи предводителемъ выбранъ отставной секундъ-маіоръ Александръ *Анненковъ*, а депутатомъ отставной поручикъ Андрей *Кондратьевъ*, въ ахтырской предводителемъ отставной полковникъ Александръ *Ершовъ*, депутатомъ товарищъ правящаго воеводскую должность полковой обозный Василій *Боярскій*; въ изюмской предводителемъ отставной секундъ-маіоръ Федоръ *Кириловъ*, депутатомъ отставной секундъ-маіоръ Иванъ *Зарудневъ*; въ острогожской предводителемъ бригадиръ Степанъ Ивановичъ *Тевяшовъ*, депутатомъ полковникъ Степанъ Ивановичъ *Тевяшовъ*. Такимъ образомъ въ числѣ выбранныхъ оказалось четверо бывшихъ козацкихъ старшинъ и одинъ офицеръ регулярныхъ войскъ.

Одновременно почти происходили городскіе выборы. По спискамъ полиціи, въ Харьковѣ владѣвшихъ домами и занимавшихся торговлей, промысломъ и ремеслами жителей было 200; но на выборы явилась ровно половина, т. е. 100 человекъ; въ числѣ ихъ значительный процентъ составляютъ отставные сотники и подпрапорные расформированныхъ слободскихъ полковъ. Собравшимся предстояло выбрать городского голову для наблюденія за порядкомъ въ собраніи и депутата. Головою былъ избранъ отставной сотникъ *Павель Гукоскій*, а депутатомъ отставной-же сотникъ *Илья Ивановичъ Черкесъ*. Городскіе выборы шли безъ всякихъ затрудненій, даже безъ такого казуса, какой имѣлъ мѣсто на дворянскихъ выборахъ; но не такъ благополучно окончилось составленіе депутатскаго наказа. Когда наказъ былъ написанъ и подписанъ, нѣсколько горожанъ (пять отставныхъ сотниковъ, трое отставныхъ подпрапорныхъ и нѣкоторые другіе) подали губернатору *Щербинину* жалобу, въ которой заявляя, что наказъ, данный городскому депутату отставному сотнику *Ильѣ Черкесу*, они подписали подъ давленіемъ большинства «подлыхъ и безразсудныхъ» людей, которые внесли туда вовсе неподходящіе пункты, просятъ, чтобы онъ самъ разсмотрѣлъ этотъ наказъ и возвратилъ его для исправленія. *Щербининъ* возвратилъ наказъ съ приказаніемъ головѣ исключить изъ него нѣкоторые пункты, неприличные и вредные для губерніи, и въ другой наказъ уже не включать партикулярныхъ дѣлъ, которыя могутъ быть рѣшены судебными мѣстами.

Въ Сумахъ былъ избранъ депутатомъ войсковою обыватель *Степанъ Черекристовъ*, въ Ахтыркѣ отставной кантенармусъ *Иванъ Дзюба*, въ Изюмѣ казенный обыватель *Иванъ Веприцкой*, въ Острогжскѣ сотникъ *Дмитрій Синельниковъ*. Такимъ образомъ представителями ремесленниковъ, купцовъ и промышленниковъ оказались 2 сотника, одинъ кантенармусъ и двое войсковыхъ обывателей, т. е. бывшихъ слободскихъ козаковъ, и ни одного настоящаго мѣщанина. Объясняется это отчасти естественною склонностію отдавать въ выборахъ предпочтеніе людямъ выше другихъ стоящимъ, такъ что въ Петербургѣ и Москвѣ выбирали въ это время исключительно знатныхъ персонъ¹⁾, отчасти отсутствіемъ въ городахъ бывшей

¹⁾ Авсьенко, Малороссія въ 1767 году, стр. 12—24.

Слободской Украйны старожилого мѣщанства, такъ какъ они недавно еще были полковыми городами и въ нихъ преобладающую группу населенія составляли козаки, теперь войсковые обыватели; торговлею занималась и бывшая козачая старшина, ремесленники-же были большею частію изъ людей пришлыхъ.

Классъ войсковыхъ обывателей, т. е. прежніе выборные козаки, ихъ дѣти, родственники, свойственники, подпомощники и подусѣдки, представлялъ собою самую многочисленную группу населенія губерніи; но и онъ долженъ былъ дать изъ своей среды только 5 депутатовъ. Это были но большей части жители мѣстечекъ и выбирали они не депутатовъ, а только повѣренныхъ, которыхъ отсылали въ комиссарства, гдѣ происходили новые выборы повѣренныхъ и только изъ ихъ среды уже въ провинціальныхъ городахъ выбирали уѣздныхъ депутатовъ. Выборы повѣренныхъ въ мѣстечкахъ и слободахъ и депутатовъ въ комиссарствахъ прошли вообще совершенно спокойно, за исключеніемъ простодушнаго заявленія обывателей слободы Межиричь, въ которомъ мѣстная власть на первыхъ порахъ готовы были усмотрѣть чуть не открытый бунтъ. Дѣло происходило такимъ образомъ.

Манифестъ, «обрядъ» и инструкція о выборахъ, по полученіи ихъ въ *Межиричь*, были читаны здѣсь, какъ и вездѣ, три раза въ мѣстной церкви; войсковыхъ обывателей собралось до 400 человекъ. Все шло чинно, въ порядкѣ, выбрали и повѣреннаго—Демьяна Крамарева; но когда дошло до полномочій повѣренному, составленія наказа, заявленія общественныхъ нуждъ, то произошло нѣчто неожиднное: всѣ бывшіе въ сборѣ, исключая самаго незначительнаго числа, говорили одно, чтобы была у нихъ по прежнему козачья служба, а новоположенный окладъ былъ отмѣненъ, одинъ-же изъ обывателей, Яковъ Гринченко, громко сказалъ: «кто сей новый окладъ положилъ, тотъ чтобы пропалъ на вѣки!» Такое было наказъ обывателей ихъ повѣренному и никакого другаго составлять они не хотѣли! Не трудно понять, какъ межиричскіе обыватели додумались до такого заявленія. Такъ недавно они были еще козаками, несли почетную военную службу, жили вольно, управлялись и судились сами, не знали никакихъ податей и сборовъ, и вдругъ конецъ всему и подушный окладъ, отъ котораго не освобождались и вновь рождающіяся дѣти. Манифестъ призывалъ къ откровенному заявленію общественныхъ нуждъ; но какая другая могла сравниться съ этою?!

Такъ конечно разсуждали межиріцкіе обыватели подъ вліяніемъ недавно произведенной радикальной перемѣны въ ихъ быту; имъ казалось, что стоитъ возстановить ихъ прежній козацій строй и всѣ общественныя ихъ непорядки, если они и были, устранятся сами собою. Начальствовавшій въ собраніи мѣстный комиссаръ, сотникъ Селеховскій собраніе закрыть, Гринченка взять подъ карауль и о случившемся донесъ правящему воеводскую должность Лосеву, а тотъ въ свою очередь поспѣшилъ довести губернатору Щербинцу. Губернаторъ отдалъ приказъ объяснить межиріцкимъ обывателямъ, что наказъ относится только къ ихъ общественнымъ неустройствамъ, что козачья служба уничтожена, а вмѣсто нея учреждены гусарскіе полки, по высочайшему повелѣнію, «для лучшей государственной пользы», что оклады для нихъ положенъ и должны остаться въ своей силѣ, что всѣ нынѣшнія просьбы о возстановленіи козачьей службы останутся втунѣ, подобно тому, какъ оставлены безъ результата и прежнія, подававшіяся до конфирмаціи и признавныя безразсудными и прихотливыми, и что вносить теперь въ наказъ просьбу о возвращеніи козачьей службы значитъ дѣйствовать вопреки указу ея императорскаго величества. Высочайшій манифестъ, писалъ въ заключеніе губернаторъ, повелѣваетъ производить выборы «порядочно, съ учтивостію, тихостію, молчаніемъ». и приказалъ поименованныхъ въ донесеніи Лосева 15 межиріцкихъ обывателей взять подъ карауль и строго слѣдовать, по чьему наущенію они дозволили себѣ такое противодѣйствіе властямъ, а Гринченка заковать въ ручныя и ножныя кандалы и допросить особевио тщательно. Лосевъ, сдавъ свою должность прокурору Романову (за отсутствіемъ воеводскаго товарища), съ воинскою командою немедленно отправился на усмиреніе бунтовщиковъ. На дорогѣ ояъ получилъ новое извѣстіе отъ того-же комиссара Селеховскаго, что межиріцкіе обыватели, собравшись въ количествѣ 30 человекъ, явились въ комиссарское правленіе и съ крикомъ требовали освобожденія Гринченка. Это побудило Лосева прихватить еще болѣе военной команды и поспѣшить своимъ прибытіемъ въ Межиричь. Изъ первыхъ распросовъ Лосевъ заключилъ, что главнымъ виновникомъ случившагося былъ самъ комиссаръ Селеховскій. Ояъ первый внушилъ межирічанамъ мысль просить, чтобы имъ дозволили по прежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль и не облагали дѣтей ихъ до

7-лѣтняго возраста подушнымъ окладомъ. Слыша это отъ своего комиссара, обыватели пошли дальше и стали толковать о томъ, чтобы по прежнему была козачья служба «Я, заявляеть Лосевъ, въ своемъ донесеніи губернатору, растолковалъ имъ, что подушный окладъ клонится къ ихней-же пользѣ и тѣмъ умириль волненіе, комиссара-же удалилъ отъ должности». Тѣмъ не менѣе Лосевъ остался съ командою въ Межиричѣ и продолжалъ слѣдствіе. Главный обвиняемый Гринченко объяснялся, что приписываемыя ему слова онъ сказалъ събыва; другіе заявили, что положеннаго на нихъ оклада они платить не въ состояніи, такъ какъ его положено больше, чѣмъ слѣдуетъ по ихъ имуществу; приходившіе требовать освобожденія Гринченка показали, что они дѣйствительно приходили просить объ освобожденіи Гринченка изъ-подъ караула, но когда имъ въ этомъ отказали, то они мирно разошлись по домамъ. Сдѣлавъ лично допросъ обвиняемымъ, Лосевъ отправилъ ихъ для дальнѣйшаго дослѣдованія и рѣшенія въ сумскую провинціальную канцелярію.

Передпрошенныя здѣсь подсудимые дали болѣе обстоятельныя, но въ сущности тѣ-же показанія. Гринченко показалъ, что всё единогласно выражали желаніе о возстановленіи козачьей службы, а было-ли при этомъ подстрекательство съ чьей либо стороны, онъ не знаетъ, что его лично никто не подстрекалъ и что о томъ, почему не давали наказа повѣренному, онъ также неизвѣстенъ, а приписываемыя ему слова говорить не по чьему либо наущенію, а по простотѣ своей, озлобившись, что на него положили при раскладкѣ гораздо больше податей, чѣмъ это слѣдовало по его имуществу; притомъ слова эти относились къ раскладчикамъ, а не къ кому либо другому. Другой подсудимый, Романъ Ильченко объяснялъ, что когда обыватели заявили Селеховскому о возстановленіи козачьей службы, то онъ, замѣтивъ, что это невозможно, совѣтовать просить объ освобожденіи дѣтей до 7-лѣтняго возраста изъ подушнаго оклада, о свободѣ винокуренія и о позволеніи попрежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль. По словамъ Ильченка, обыватели послѣ этого сказали: «пусть-же нашъ повѣренный ѣдетъ въ Сумы и сговорится съ другими повѣренными; на чемъ они порѣшатъ, на то и мы согласимся», и повѣренный дѣйствительно поѣхалъ было въ Сумы, но на дорогѣ встрѣтилъ двухъ межиричскихъ писарей, которые ему сообщили, что въ Сумахъ пока

еще никого вѣтъ, и потому возвратился назадъ. Самъ повѣренный Крамаревъ подтвердилъ это, но прибавилъ, что когда онъ вернулся въ слободу, то обыватели съ шумомъ требовали возвращенія козачины. Комиссаръ Селеховскій оправдывался, что не онъ внушилъ обывателямъ просить объ уничтоженіи подушнаго оклада съ дѣтей и о ввозѣ по прежнему крымской соли, а наоборотъ они первые ему высказали это. Остальные показывали разное: одни признавались въ томъ, что требовали возвращенія козачьей службѣ, другіе запыривались.

На основаніи этихъ данныхъ сумская провинціальная канцелярія мнѣніемъ положила: въ виду простоты обвиняемыхъ и того обстоятельства, что возмущеніе ихъ не имѣло дальнѣйшихъ вредныхъ дѣйствій, ограничиться наказаніемъ 22 обвиняемыхъ плетью, въ присутствіи всѣхъ жителей Межирича, такому-же наказанію подвергнуть и Якова Гринченка, а Селеховскому, уже отрѣшенному отъ должности, учинить еще «репримантъ» въ канцеляріи, и наконецъ со всѣхъ обвиненныхъ взыскать 3 р. 84 к. за прогоны гусарамъ, развозившимъ донесенія и приказы по этому дѣлу. Рѣшеніе это основывалось на 1-мъ и 18-мъ пунктахъ Соборнаго Уложенія, трактующихъ объ умыслѣ на государево здоровье и скопѣ и заговорѣ на Государя, и на другихъ позднѣйшихъ указахъ, чѣмъ объясняется и строгость приговора ¹⁾.

Но когда это мнѣніе было представлено на благоусмотрѣніе губернской канцеляріи, то эта послѣдняя съ нимъ не согласилась. Она нашла, что несомнѣнныя улики были только противъ двухъ обвиняемыхъ—Гринченка и Вечѣрка, остальные-же дѣйствовали по своей простотѣ и потому рѣшила: засчитать послѣднимъ въ наказаніе время пребыванія ихъ подъ карауломъ, взыскавъ кромѣ того съ каждаго по 50 коп. штрафныхъ денегъ, Гринченка наказати плетью, Вечѣрку высѣчь ботожьемъ и съ нихъ-же взыскати и прогонныя деньги, а Селеховскаго вовсе не подвергати наказанію и сверхъ того возвратити ему прежнюю должность.—Такъ окончилось дѣло, возникшее по поводу выборовъ повѣреннаго въ Межиричѣ и

¹⁾ Такимъ образомъ, въ Слободской Украинѣ, дѣйствующимъ законодательнымъ памятникомъ было Соборное Уложеніе и послѣдующія статьи въ противоположность Малороссіи, гдѣ дѣйствовалъ Литовскій Статутъ.

получившее совершенно незаслуженно громкое имя «возмущенія обывателей слободы Межиричь при выборѣ депутата».

Въ немъ случайно проглянула реакція противъ новыхъ и смѣшней жизни слобожанъ, которыя въ теченіи предшествовавшихъ 4-хъ лѣтъ быстро слѣдовали одно за другимъ. Еще въ 1763 году реформировала слободскіе полки сенаторъ князь Шаховскій, теперь реформу дополняли лейбъ гвардіи секундъ-майоръ Евдокимъ Щербининъ. На этотъ разъ реформа состояла въ окончательномъ упраздненіи прежней козацкой службы и козацкаго самоуправленія и замѣнѣ прежняго военного строя населенія общимъ гражданскимъ. Козацкіе слободскіе полки, числомъ пять, были уничтожены, вмѣсто ихъ учреждены регулярные гусарскіе полки, а на содержаніе послѣднихъ установлены подушный окладъ съ бывшихъ козаковъ, обращенныхъ теперь въ податное состояніе, съ именемъ войсковыхъ обывателей: 95 коп. положено было взимать съ тѣхъ изъ нихъ, которые пользовались правомъ винокуренія, 85 съ непользующихся этимъ правомъ, и по 70 коп. съ владѣльческихъ подданныхъ, иначе посполитыхъ крестьянъ. Хотя раскладка новаго налога производилась самими-же обществами бывшихъ козаковъ; но съ одной стороны не легко было платить деньги за то, что отбывали они доселѣ самой службой, съ другой и справедливость соблюдалась не всегда, и окладъ невольно вызывалъ ропотъ и недовольство. Впрочемъ и помимо того не могло безслѣдно отойти въ вѣчность такое учрежденіе, которое шло за собою продолжительную традицію, которое проникало собою всю народную жизнь, опредѣляло собою все общественныя отношенія. Новые порядки, вводимые по приказу, не могли не вызывать глухаго раздраженія въ народной массѣ; защитники старины выходили, какъ свидѣтельствуетъ манифестъ императрицы Екатерины II, изъ среды прежняго правящаго класса; въ межиричскомъ дѣлѣ реакція исходитъ, какъ мы видимъ, изъ среды прежняго рядоваго козачества.

Но обратимся къ разсказу о выборахъ въ другихъ мѣстахъ слободско-украинской губерніи. Повсюду они совершались вполне спокойно, безъ малѣйшихъ затрудненій. Въ харьковской провинціи депутатомъ былъ избранъ козацкій обыватель ольшанскаго комиссарства *Ирокопъ Гузь*, въ ахтырской войсковой обыватель слободы Богодуховой *Михаилъ Бондыревъ*, въ сумской казенный обыватель суджапскаго комиссарскаго села Уланкова *Федоръ Шимѣдоровъ*, въ

пзюмской казенный обыватель слободы Купянки *Семень Попадичевъ*, въ острогожской обыватель меловатскаго комиссарства слободы Калачей *Иванъ Водарской*. Съ депутатомъ харьковской провинціи вышелъ такой казусъ, что пришлося выбирать новаго депутата. Темная народная масса по своему понимала объявленную комиссію и выбираемыхъ въ нее депутатовъ: до пониманія общественныхъ, тѣмъ болѣе государственныхъ интересовъ ей было далеко, но у каждаго войсковаго обывателя были свои наболѣвшія мѣста, свои нужды, свои дѣлишки и ему казалось, что все можетъ устроить депутата, котораго нарочно требуютъ въ столицу къ самой царицѣ. Въ вѣкоторое самомнѣніе вдался и самъ депутатъ харьковской провинціи, Прокопъ Гукъ. Вскорѣ послѣ выборовъ на него послѣдовала жалоба со стороны ольшанскаго сотника Ковалевскаго, что онъ производитъ смуту, мѣшая полюбовному размежеванію между казенными обывателями и владѣльцами. Сотникъ прямо высказывалъ желаніе, чтобы Гукъ былъ отстраненъ отъ депутатскаго званія, ибо онъ «какъ мужикъ угрюмый и продерзвнй, можетъ и въ комиссіи изблевать какого-либо мужицкаго яду». Гукъ, какъ видно, былъ себѣ на умѣ и пожелалъ воспользоваться выгодами своего положенія, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ, что, какъ депутатъ, онъ многое, если не все, можетъ сдѣлать. Приѣхавъ онъ въ мѣстечко Золочевъ и взявъ съ жителей онаго себѣ на поѣздку въ Москву 5 рублей, другіе 5 рублей истребовалъ съ жителей села Удъ, а повѣренными, выбранными для межеванія земель, объявилъ, чтобы они не дѣлали развода до его возвращенія изъ Москвы. Когда, по доносу объ этомъ, ольшанскому комиссару приказано было произвести строгое слѣдствіе, Гукъ относительно послѣдняго обстоятельства отозвался лишь замятованіемъ, чтоже касается денегъ, то въ полученіи ихъ и не думалъ запыраться, объявивъ лишь, что отнюдь не вымогалъ ихъ, а только говорилъ, что «ежели кто дастъ ему, въ томъ нужды нѣтъ». По словамъ Гука, на такое его обращеніе откликнулись жители многихъ селъ и слободъ, и кромѣ м. Золочева и села Удъ, онъ получилъ съ села Лошаки 2 рубля, съ села Деркачей 4 рубля, съ села Лозовой 1 рубль, съ мѣстечка Мерефы 5 рублей, съ села Островерховки 1 рубль 20 коп., съ села Тарановки 3 рубля, съ мѣстечка Соколова 1 рубль 50 коп., съ села Хорошева 2 рубля, съ села Безпо-

довки 3 рубля, съ села Хотомли 10 рублей, съ мѣстечка Салтова 3 рубля, съ села Волчьей 4 рубля, съ мѣстечка Перекони 3 рубля, съ мѣстечка Валоць 4 рубля, съ села Очульцовъ 3 рубля, съ села Люботина 2 рубля, съ Песочнаго 1 рубль, съ села Сипалицовки 1 рубль, съ села Гавриловки 1 рубль 50 коп., съ села Пересѣчнаго 2 рубля. Всего такимъ образомъ было собрано имъ 66 рублей 20 коп., что на наши деньги равняется по крайней мѣрѣ 300 руб. Все это Гукъ трактовалъ на слѣдствіи, какъ «добровольныя приношенія»; но приносители показали, что требуя денегъ, Гукъ говорилъ: «а если не дадутъ ему денегъ, то дѣло ихъ спатыметъ». Недавній депутатъ былъ отрѣшенъ отъ депутатскаго званія и наказанъ плетьюми при комиссарскомъ правленіи; деньги отъ него были отобраны, а на его мѣсто выбрали новаго депутата *Тимофея Капиноса*.

Такъ окончились выборы депутатовъ. Всѣхъ ихъ, какъ мы видимъ, было 15 человекъ: 7 старшинъ и дворянъ и 8 казенныхъ обывателей. Выбраннымъ депутатамъ вручены были: 1) прошенія объ общественныхъ нуждахъ и недостаткахъ, 2) наказы депутатамъ, съ прописаніемъ того-же прошенія и 3) уполномочія. На дорогу городскіе и обывательскіе депутаты получили прогоновъ на 2 лошади (на каждаго по 1 деньгъ на версту); помимо того всѣмъ депутатамъ назначено было еще опредѣленное жалованье.

Послѣдуемъ теперь за харьковскими депутатами въ Москву и посмотримъ, какую роль они играли тамъ. Начнемъ съ депутатовъ-дворянъ.

Шляхетскіе депутаты принимали участіе и въ обсужденіи общихъ вопросовъ, но главное вниманіе ихъ было обращено на мѣстные вопросы, слишкомъ тѣсно связанные впрочемъ съ этими послѣдними. Изъ 5 дворянскихъ депутатовъ активное участіе въ комиссіи принимали четыре, о пятомъ-же, депутатѣ острогольской провинціи, ничего не сообщаютъ протоколы. Дѣятельнѣе всѣхъ оказался актырскій депутатъ Боярскій, и это, можетъ быть, потому, что онъ по должности своей (полковаго обознаго) хорошо былъ знакомъ съ мѣстными дѣлами. Инымъ представляется депутатъ изюмской провинціи, отставной секундъ-майоръ Зарудневъ: ему принадлежитъ только мнѣніе по поводу проекта о правахъ благородныхъ. Нако-

нецъ Кондратьевъ представлялъ довольно обширную записку, касающуюся исключительно мѣстнаго вопроса о правѣ козацкихъ старшинъ владѣть крѣпостными. Записка Кондратьева была вызвана докладомъ депутата отъ козаковъ хоперской крѣпости Андрея Алейникова, который высказался въ пользу запрещенія купцамъ, приказнымъ и козацкимъ старшинамъ имѣть крѣпостныхъ; по его мнѣнію, слѣдовало-бы даже у старшинъ слободскихъ полковъ отнять и тѣхъ крестьянъ, конми они владѣли и отписать ихъ на ея императорское величество⁴⁾. «На все это, говоритъ Кондратьевъ, я могъ-бы отвѣтить однимъ возраженіемъ, что депутатъ Алейниковъ говоритъ о томъ, чего уже нѣтъ; но для того, чтобы почтенное собраніе само удостовѣрилось, какъ депутатъ Алейниковъ мало знаетъ наши мѣстные обстоятельства, я представляю, въ какомъ состояніи раньше была слободская губернія, какія и за что даны ей были права и преимущества, наконецъ какія учинены теперь перемѣны и какая отъ нихъ польза, какъ относительно всего государства, такъ въ особенности относительно самаго малороссійскаго края».

«Не прошло еще и двухъ столѣтій, какъ та страна, гдѣ нынѣ слободская губернія, была необитаемой и дикою пустыней; прилегая къ татарскимъ степямъ, причиняла она большее безпокойство великороссійскимъ границамъ, ибо кочевые татары, пробираясь чрезъ эти никѣмъ не охраняемыя пустыни, производили безпрепятственно свои набѣги внутрь Россіи. Блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ, обративъ заботы на заселеніе своей обширной державы, воспользовался представившимся ему случаемъ и призвалъ изъ заднѣпровскихъ, разоренныхъ подъ владѣніемъ польскимъ малороссійскихъ городовъ, вольныхъ людей, давъ имъ позволеніе производить занятіе земель и угодій по собственному ихъ усмотрѣнію. Оставшіеся въ тѣхъ разоренныхъ мѣстахъ жители, видя таковыя монаршія щедроты и усердствуюя российской имперіи, вышли изъ-за Днѣпра и населили эту колонію на самыхъ татарскихъ бродахъ и перелазяхъ. Государь сей, по необъятной обшир-

---

⁴⁾ Въ послѣдствіи, отвѣчая Кондратьеву, Алейниковъ болѣе подробно изложилъ свои во многихъ отношеніяхъ замѣчательныя мысли.—См. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 369—375.

ности тѣхъ пустыхъ степей, не положили никакого предѣла владѣніямъ этихъ новыхъ поселеній. Поэтому всякій занялъ столько земли и угодій, сколько онъ, по своему разсужденію, находилъ нужнымъ. Такъ народъ этотъ, поселившись слободами и соединивши гражданское устройство съ военнымъ, получилъ названіе слободскихъ полковъ и вмѣсто жалованья получилъ, сверхъ безграничнаго владѣнія землею, свободу торговать всѣмъ беспошлинно и безоброчно. Получивъ столь великія щедроты, слободскіе полки служили российской державѣ какъ вѣрные подданные, безъ малѣйшаго поползновенія. Въ доказательство сего я могъ-бы привести множество грамотъ, но достаточно будетъ указать на жалованную грамоту императрицы Елисаветы Петровны, данную въ 1743 году. Указомъ-же 1735 года старшинамъ у козаковъ и казакамъ у старшинъ продажа и залогъ земель со взятіемъ указныхъ пошлинъ навсегда были дозволены. Нынѣ славнодержавствующая наша мопархія, простирая попеченіе свое на всѣ части врученной ей отъ Бога имперіи, всемілостивѣйше восхотѣла привести и эти полки въ состояніе возможнаго совершенства, сдѣлавъ ихъ, по примѣру прочихъ своихъ славныхъ войскъ, регулярными. Между другими попеченіями о пользѣ селеній, она установила, чтобы каждый отпущивъ свой удѣль или займку зналъ, козакамъ-же, которые, продавая свои участки, занимали новые (что нѣкоторые дѣлали по нѣскольку разъ и такимъ образомъ не обрабатывали земли, а торговали ею), такую торговлю запретить, а оставшеюся свободною землею удовлетворять новопривывшихъ или многосемейныхъ козаковъ, а также безземельныхъ бывшихъ старшинъ. Для приведенія всего этого въ дѣйствіе учрежденъ особый вотчинный департаментъ.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мнѣніе депутата Алейникова не согласуется ни съ прежними, ни съ новѣйшими постановленіями, на основаніи которыхъ започныя земли утверждены по размежеванію за нихъ владѣльцами въ вѣчное владѣніе. Что-же касается того, что будто-бы въ прежнія времена полковники бывшихъ козацкихъ полковъ, употребляя во зло свою власть, населяли на жалованныхъ козацкихъ земляхъ слободы вольными малороссіянами, то это едва-ли вѣроятно, потому что по всѣмъ жалованнымъ грамотамъ дозволено было дѣлать займки по-первыхъ полковникамъ и старшинамъ, а потомъ уже ихъ потомкамъ; слѣ-

довательно, начальники ихъ, имѣя первое право занимать угодья, заняли столько, сколько имъ было потребно; впоследствии-же въ-которыя земли пожалованы были имъ за вѣрные и отличныя ихъ службы особыми, выданными имъ жалованными грамотами. Приобрѣтенныя по этимъ грамотамъ и по заимкамъ земли были утверждены за ними указомъ 1734 года. Покупка-же старшинами крѣпостныхъ людей есть право, которое они, какъ природное шляхетство, имѣютъ по всемъ государственнымъ установленіямъ, да и по указамъ 1728 года покупка недвижимыхъ имѣній малороссіянамъ въ Великой Россіи, а великороссіянамъ въ Малой дозволена¹⁾.

Эта записка чрезвычайно любопытна во многихъ отношеніяхъ. Въ ней изложена довольно отчетливо вся исторія происхожденія поземельной собственности въ Слободской Украинѣ и въ основаніи своемъ эта исторія согласуется съ извѣстными намъ фактами. Несомнѣнно, что большинство поземельныхъ участковъ въ Слободской Украинѣ *заимочно происхожденія* и что крупныя латифундіи возникли въ большинствѣ случаевъ путемъ такихъ-же заимокъ, какъ и мелкіе участки; но правы были, конечно, и тѣ, которые утверждали, что въ очень многихъ случаяхъ дѣйствовали здѣсь простой захватъ; имѣли основаніе жаловаться также и войсковые обыватели, окружныя земли которыхъ занимались старшиною и составили фондъ крупной поземельной собственности въ краѣ; но болѣе всего виноваты были принципъ, легшій въ основу первоначальныхъ земельныхъ распоряждовъ—принципъ *свободной заимки*, не могшій поставить никакой преграды возраставшему земельному неравенству и наоборотъ педшій даже руку объ руку съ увеличивавшеюся все болѣе и болѣе сословною рознью.

Интересно, что вся аргументація Кондратьева направлена нѣсколько не по адресу его оппонента. Тотъ, какъ мы знаемъ, говорилъ исключительно о правѣ старшинъ владѣть крѣпостными людьми; Кондратьевъ-же объ этомъ не говоритъ почти ничего, ограничившись заявленіемъ, что это есть ихъ право, какъ благороднаго шляхетства. Но дѣло въ томъ, что дворянское достоинство бывшей старшины находилось еще, такъ сказать, подъ сомнѣніемъ: оно было

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 296—299.

окончательно утверждено только жалованною грамотою Екатерины 1785 года. Ничего не возражаетъ также Кондратьевъ еще на одинъ важный доводъ Алейникова, — что полковники и старшины, населивъ на козацкихъ земляхъ слободы и хутора, *причиняютъ народу большое отягощеніе.*

Въ защиту той-же шляхетской поземельной собственности выступилъ и ахтырскій депутатъ Боярскій, возражая на мнѣніе ахтырскаго городского депутата Дзюбы. Бѣгство, постоянные переходы козаковъ въ слободскихъ полкахъ происходили, по его мнѣнію, не отъ притѣсненія старшинъ, а изъ нежеланія нести службу ея императорскаго величества. «Уклоняясь отъ государственныхъ нарядовъ, козаки, продавши или опустошивши свои заимки, поуходили въ подданство на слободы къ помѣщикамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они подговорили другихъ оставшихся и прельщали ихъ разсказами о шестилѣтнихъ и десятилѣтнихъ льготахъ, лѣсныхъ и другихъ, еще не обжитыхъ угодьяхъ, хуторахъ, мельницахъ, свободномъ винокуреніи и торговлѣ. Многo было слѣдствій объ этихъ козацкихъ переходахъ, но старшина не была признана въ нихъ виновною». — «Уже въ мое время, продолжалъ далѣе Боярскій, въ царствованіе блаженной памяти государыни Елисаветы Петровны, тоже обвинена была въ этомъ слободская полковая старшина нѣкоторыми недоброжелательными людьми, такъ что была даже учреждена слѣдственная комиссія; но и тогда предсѣдательствовавшій въ ней генераль-маіоръ Багрѣвъ не нашелъ за старшиною вины. И нынѣ учрежденная комиссія также не признала старшинъ виновными въ разореніи слободскихъ козаковъ, а усмотрѣла только нѣкоторые канцелярскіе непорядки». — «На этомъ, говорилъ Боярскій, я оканчиваю защиту слободской старшины; обращу только въ заключеніе вниманіе на непостоянство этого народа, который, оставивъ козачиву и поселившись у помѣщиковъ, не оставляетъ своей привычки и по прелему страствуетъ отъ одного владѣльца къ другому, уходя изъ подданства не только многими семьями, но и цѣлыми деревнями, такъ что для удержанія его нужно употреблять цѣлыя команды. Но кромѣ этихъ лицъ есть много совершенно пивныхъ; они съ начала поселенія живутъ на одномъ мѣстѣ, а многіе изъ нихъ и жизнь свою потеряли въ сраженіяхъ; потомки ихъ являются или штабъ и оберъ-офицерами и стар-

пинами, или-же простыми мѣщанами и гражданами со своими домами и выслуженными помѣстьями; и вотъ отъ сихъ-ли отобрать или (о сожалѣніи великаго!) и отъ церковныхъ служителей, а отдать бѣглецамъ?! О голосъ проразливый! Я на это долженъ былъ-бы отвѣчать господину депутату Дзюбину молчаніемъ, но къ возраженію меня обязываетъ наказъ». И ораторъ, приводя изъ него 9-й пунктъ межевой инструкціи для слободской губерніи, которымъ отъ всѣхъ требовалось укрѣпленія земельныхъ правъ крѣпостными документами, доказываетъ, что онъ не можетъ быть при-мѣняемъ къ бывшей полковой старшинѣ, такъ какъ она издавна покупала и продавала земли по партикулярнымъ письмамъ, которыя лишь съ 1734 года стали записываться въ крѣпостныя книги, между тѣмъ какъ эти частныя записи могли и вовсе не получаться, или теряться за отлучкою и смертью продавцовъ, вслѣдствіе пожаровъ и по незначительности земельныхъ участковъ. Ораторъ признаетъ, что многіе изъ бывшихъ старшинъ владѣютъ безъ крѣпостей участками, состоящими въ войсковыхъ округахъ, и тѣмъ не менѣе настаиваетъ на томъ, что необходимо оставить за ними и эти участки, дабы ихъ не присвоили себѣ, подъ видомъ общественныхъ, войсковые обыватели ¹⁾.

Въ поясненіе этой рѣчи нужно прежде всего сказать, что на территоріи слободскихъ полковъ, кромѣ частной земельной собственности, принадлежавшей старшинѣ и простымъ козакамъ ея, были обширныя пространства земель общественныхъ, что теперь, съ пвзведеніемъ козаковъ въ податное состояніе, земли эти отмежевывались отъ земель частныхъ для распредѣленія ихъ между войсковыми обывателями и обложенія налогомъ и что въ интересахъ послѣднихъ было сохранить возможно большее количество общинной земли; съ другой стороны старшина издавна захватывала какъ общественныя, такъ и частныя земли рядовыхъ козаковъ, присволивая ихъ къ уступкѣ или продажѣ за самую ничтожную цѣну и на это раздавались постоянныя жалобы во всей Слободской Украинѣ, какъ и въ гетманщинѣ. Теперь бывшей старшинѣ и бывшему козачеству пришло свести окончательно земельные счета,

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, № 10, стр. 371—373.

ибо всѣ участки, на которые не было крѣпостей и которые не могли быть признаны личною собственностію, подлежали безповоротной отсужевкѣ къ общественнымъ землямъ такъ названныхъ теперь войсковыхъ обывателей. Вотъ почему дворянскіе депутаты выбиваются теперь изъ силъ, чтобы оставить за бывшею старшиною и тѣ земли, на которыя она не имѣла никакихъ документовъ и которыя пріобрѣла между прочимъ путемъ захвата и подневольной уступки за ничтожную цѣну. Депутатъ Боярскій, такъ патетически отстаивавшій земельныя права дворянства, въ большей части недавней полковой старшины, въ точности только исполнялъ данный ему наказъ отъ той-же старшины. Рѣчь его, по характеру своему, должна быть названа софистической. Въ самомъ дѣлѣ, неужели постоянные переходы козаковъ и посполитыхъ можно объяснять исключительно только привычкою ихъ къ странствованію и бродяжничеству? Патетическія фразы о томъ, будто требованіемъ крѣпостныхъ документовъ хотять отнять земли у заслуженныхъ *осидлыхъ* воиновъ и почетныхъ гражданъ и мѣщанъ и отдать ихъ «бѣглецамъ», т. е. переходившимъ съ мѣста на мѣсто козакамъ и посполитымъ, ослабляются тѣмъ, что притязаніе на эти земли изъявляли такіе-же *осидлые* войсковые обыватели, владѣвшіе землями новоучрежденныхъ военныхъ округовъ, жившіе своими домами и заботившіеся о построеніи церквей и надѣленіи ихъ землей; притомъ эти послѣдніе заявляли свои права на земли, лежавшія въ чертѣ ихъ давней заимки и воцавшія теперь такимъ или инымъ путемъ во власть отдѣльныхъ лицъ изъ старшинскаго сословія. Совѣмъ не правъ также Боярскій, когда заявляетъ, что комисіи, назначенныя для изслѣдованія обидъ, наносимыхъ старшиной рядовымъ козакамъ, вполне оправдали ихъ¹⁾. Вообще-же заявленныя въ комисіи просьбы и домогательства харьковскихъ дворянскихъ депутатовъ по мѣстнымъ вопросамъ не возвышаются надъ чисто сословными ихъ интересами, которые очень часто расходятся съ интересами другихъ слоевъ общества. Въ такомъ-же духѣ составлены были, конечно, и ихъ наказы. Въ этомъ убѣждаетъ насъ наказъ ахтырскихъ дворянъ. Они просятъ о льготной покупкѣ соли, объ освобожденіи отъ починки мостовъ и гатей по проѣзжимъ трактамъ, о разрѣшеніи продажи вина

¹⁾ См., напротивъ, Полное Собраніе законовъ, томъ XVII, № 12,356.

въ Великороссіи, объ облегченіи постоянной повинности, о запрещеніи подданнымъ переходить съ мѣста на мѣсто безъ владѣльческихъ отпускныхъ билетовъ, объ утвержденіи за владѣльцами, не имѣющими крѣпостей, ихъ земель, объ ассигнованіи прибавочной казенной суммы на содержаніе шляхетскихъ дѣтей въ харьковскомъ коллегіумѣ и внесеніи всего этого въ законы. Въ ряду этихъ петій выданы въ особенности домогательства прикрѣпленія «подданныхъ» къ землѣ, о чемъ давно хлопотали харьковскіе дворяне, и закрѣпленія за дворянами и такихъ земель, на которыя они не имѣли крѣпостныхъ документовъ.

Посмотримъ теперь, какую роль играли харьковскіе дворянскіе депутаты въ комиссіи при обсужденіи общихъ вопросовъ. По нимъ высказывали свои мнѣнія Боярскій, Куликовскій и Зарудневъ. Одинъ изъ этихъ общихъ вопросовъ—о дворянскомъ достоинствѣ—имѣлъ прямое отношеніе къ мѣстнымъ интересамъ слободско-украинскаго дворянства. По этому-то вопросу Боярскій и представилъ особую записку, въ видѣ примѣчанія на 36 статью II-й главы проекта о разборѣ государственныхъ родовъ. Въ этой статьѣ говорилось отдѣльно о благородныхъ и чиновныхъ людяхъ, причѣмъ вторые признаются дворянами. «Съ самаго начала существованія слободскихъ полковъ, говоритъ Боярскій, многіе изъ переселенцевъ были пожалованы за вѣрную и радѣтельную службу генералами, бригадиромъ, стольниками, полковниками и другими чинами, а также награждены деревнями и землями; иные, служа въ драгунскомъ тысячномъ полку, дослужились до штабъ и оберъ офицерскихъ чиновъ; теперь, по учрежденіи гусарскихъ полковъ, многіе опять получили такіе-же чины. Кромѣ того многіе изъ великорусскихъ помѣщиковъ и иностранныхъ офицеровъ поженились на женахъ, дочеряхъ и внучкахъ этихъ лицъ, взявъ въ приданное деньги и другія владѣнія. Всѣ эти лица и съ самаго пачала поселенія судились и судятся великороссійскими правами и земли свои, заимочныя и купленныя, продавали, закладывали, въ приданое или дѣтямъ въ наслѣдство отдавали, также точно, какъ и великорусскіе дворяне. Спрашивается, чѣмъ-же будутъ признаны всѣ эти лица—дворянами, чиновниками или офицерами? Въ указѣ блаженной памяти великаго государя Петра I отъ 24 января 1722 г. написано: «выслужившіеся въ оберъ офицеры суть дворяне, и дѣти, родившіяся отъ нихъ,

дворяне». Въ наказѣ ея императорскаго величества говорится: «военное искусство есть самый древнѣйшій способъ, коимъ достигали до дворянскаго достоинства». На этомъ основаніи всѣ, дослужившіеся до оберъ офицерскихъ чиновъ, въ томъ числѣ и потомки бывшихъ старшинъ, должны быть записаны въ дворяне¹⁾.

Такого-же мнѣнія былъ очевидно и Куликовскій, согласившійся съ подобнымъ мнѣніемъ депутата терскаго войска Никиты Миронова. Въ такомъ-же смыслѣ высказался и депутатъ изюмской провинціи Зарудневъ, съ тою только разницею, что въ своей аргументаціи онъ пользовался общими соображеніями и не прибѣгалъ къ примѣрамъ изъ жизни слободско-украинскаго дворянства. Памятивъ объ указахъ Θεодора и Петра Алексѣевичей, дававшихъ дворянство за всякую службу, Зарудневъ вслѣдъ за тѣмъ перешелъ къ опроверженію тѣхъ чѣтырехъ возраженій, которыя высказывались въ собраніи противъ дарованія дворянскихъ правъ лицамъ, выслужившимся въ военной или гражданской службѣ. Вотъ его главныя положенія: 1) «государь Петръ не имѣлъ *нужды* въ военныхъ людяхъ, а жаловалъ дворянствомъ, въ качествѣ самодержавнаго монарха, по своей милости; 2) правда, что само дворянство охотно теперь вступаетъ на службу, но полезно тѣмъ не менѣе жаловать дворянскимъ достоинствомъ иностранцевъ и другихъ вольныхъ людей, такъ какъ дворяне по хозяйственнымъ своимъ обязанностямъ припуждены скоро выходить въ отставку; 3) военная служба въ арміи и во флотѣ очень тяжела, такъ что полученное такимъ образомъ дворянство приобрѣтается не легко; штатская служба также необходима, полезна и не легка; 4) жалованье и чины не замѣняютъ дворянскаго достоинства, ибо они даются до тѣхъ поръ, пока кто въ состояніи служить, а на потомство не распространяются. Только благодаря пожалованію дворянства, прежнія нестройныя ополченія замѣнились петровской гвардіей, сухопутной арміей и артиллеріей»²⁾. Вопросъ о томъ, кого признавать дворянами, былъ самымъ существеннымъ пунктомъ въ преніяхъ комиссіи и вызвалъ оживленнѣйшій обмѣнъ мнѣній. Перодовитое дворянство естественно стаяло за такіе

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXVI, III, № 31, стр. 328—329.

²⁾ Ibid., стр. 183—186.

миѣнія, какія выражалъ Боярскій, Зарудневъ и много другихъ депутатовъ. Во главѣ противнаго лагеря стоялъ знаменитый депутатъ ярославскаго дворянства, князь Щербаковъ, который проводилъ, такъ сказать, идею родоваго дворянства и желалъ по возможности затруднить доступъ къ нему разнымъ служилымъ разночинцамъ.

Кромѣ этого жгучаго вопроса дворянскіе депутаты слободско-украинской губерніи высказывали устно и письменно свои миѣнія по вопросамъ о словеспомъ судѣ¹⁾ и векселяхъ²⁾, а известный уже депутатъ Боярскій выступилъ съ заявленіемъ объ уничтоженіи пытки³⁾, основываясь въ этомъ случаѣ на словахъ самой императрицы, которая въ своемъ наказѣ говорить, что пытка есть вѣрное средство осудить невиновнаго, не обладающаго крѣпкимъ сложеніемъ, и оправдать виновнаго.

Изъ городскихъ депутатовъ слободской губерніи дѣятельную роль въ комисіи для составленія проекта новаго уложенія играли два депутата: харьковскій, сотникъ Черкесъ и ахтырскій, капитанъ-мусъ Дзюбинъ или Дзюба. Но представителемъ собственно городскихъ или, вѣрнѣе сказать, купеческихъ интересовъ явился только сотникъ Черкесъ. Онъ былъ греческой націи и по всемъ признакамъ воль обширную торговлю. Въ одномъ изъ засѣданій комисіи депутатъ отъ коммерцъ-коллегіи Межениновъ предложилъ, чтобы заграничныя товары доставлялись въ Россію исключительно только черезъ Балтійское море, при посредствѣ петербургскаго порта, такъ какъ теперь при провозѣ ихъ изъ Данцига, Кенигсберга и Бреславля черезъ Польшу берется очень много пошливъ, которыя значительно возвышаютъ цѣну товаровъ⁴⁾. Противъ этого-то миѣнія выступилъ со своими возраженіями Черкесъ. Горячо и съ знаніемъ дѣла онъ доказывалъ необходимость сохраненія прежнихъ торговыхъ путей чрезъ Польшу и Крымъ въ Кіевъ, заявляя, что привозимыми въ этотъ городъ въ большомъ количествѣ товарами довольствуется вся Украина и требуя только, чтобы путь изъ Крыма шелъ не чрезъ кремен-

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, приложение № 2, стр. 363—354.

²⁾ Ibid., т. VIII, стр. 234 и 235.

³⁾ Ibid., т. XXXII, стр. 65.

⁴⁾ Ibid., т. VIII, стр. 50.

чугскую и переволочную таможи, а прямо ногайскою степью на одву изъ крѣпостей украинской линіи. Согласно съ первой половиною мнѣнія Черкеса высказались и депутаты: отъ города Нѣжина Костевичъ, отъ Кіева Гудима и отъ екатеринославской провинці Бѣльченко, а къ ихъ мнѣнію присоединились почти всѣ малороссійскіе депутаты. Костевичъ заявилъ, что запрещеніе вести торгъ черезъ пограничныя малороссійскія таможи убьетъ мелкую торговлю малороссійскихъ городовъ, между тѣмъ какъ пошлина на малороссійскихъ таможахъ весьма умѣренна и берется не съ цѣны товаровъ, а съ воевъ, привозъ-же на малороссійскія таможи товаровъ происходитъ изъ многихъ европейскихъ и азіатскихъ земель. Но проэктъ новаго направленія крымскаго пути встрѣтилъ всеобщія возраженія. Дебаты Бѣльченка съ Черкесомъ выяснили, что первому не хотѣлось, чтобы новый путь отходилъ далеко отъ Нѣжина, а второму хотѣлось направить оный въ слободскіе полки ¹⁾. Каждый своялъ за свое. Не удивительно, что запорожскіе депутаты, Головатый и Скопа, отстаивали прежнее направленіе крымскаго пути черезъ Сѣчь, резонно возражая Черкесу, что никто не можетъ заставить ходить купцовъ на Кременчугъ и Переволочную, если они найдутъ этотъ путь неудобнымъ ²⁾. Заявленіями Черкеса собственно и исчерпывается сфера чисто городскихъ вопросовъ слободской губерніи и только косвенное отношеніе сюда имѣтъ рѣчь бахмутскаго депутата Селиванова, возставшаго противъ предложенія бѣлгородскаго депутата, чтобы живущимъ въ бѣлгородской губерніи малороссіянамъ, однодворцамъ и другимъ лицамъ, была дозволена торговля безъ записки ихъ въ купеческое званіе, въ виду ихъ безземельности и того, что мелкая торговля является для нихъ единственнымъ средствомъ пропитанія ³⁾. Селивановъ выяснилъ, что въ такомъ дозволеніи вовсе нѣтъ надобности, такъ какъ бѣлгородскіе малороссіяне имѣютъ собственные дома, нерѣдко мыловареніе и кожевенные заводы, и ведутъ общію торговлю, хотя и называютъ себя подданными разныхъ знатныхъ особъ ⁴⁾.

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VII, стр. 76.

²⁾ Ibid., стр. 87—88.

³⁾ Ibid., стр. 88—89.

⁴⁾ Ibid., стр. 183—186.

⁵⁾ Ibid., 210—211.

Что касается заявленій другого городскаго депутата Дзюбы, то они касались исключительно положенія въ губерніи войсковыхъ обывателей, т. е. бывшихъ слободскихъ козаковъ, которые являлись преобладающей группой населенія не только въ малыхъ, но и въ большихъ городахъ. Въ трехъ рѣчахъ Дзюбы рѣзко высказался тотъ антагонизмъ, который издавна существовалъ между простымъ козачествомъ и выдѣлившеюся изъ его рядовъ старшиною; теперь опъ напелъ исходъ для себя въ црвїяхъ комисїи. Какъ дворянскїе депутаты требовали, чтобы за бывшей полковою старшиною закрѣплены были земли, въ большей части захваченныя ею изъ общїихъ и частныхъ козачьихъ земель, винили козаковъ въ бродяжничествѣ и домогались воспрещенія живущимъ на дворянскихъ земляхъ козакамъ и посполитымъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто, такъ Дзюба, становясь на защиту бывшихъ козаковъ, нынѣ войсковыхъ обывателей, обвиняетъ бывшую старшину въ прпесоеїи земель козаковъ и обращенїи ихъ самихъ въ положенїе «подданныхъ». «Бѣгство козаковъ и посполитыхъ, говоритъ Дзюба, происходило и происходить отъ нестерпимыхъ обидъ и притѣсненїй старшины, которая захватывала жалованныя козачьи земли, мельницы, сѣнные покосы, роцїи и другїя угоды, притѣсняетъ ихъ неуказными работами, большими поборами и напрасными побоями. На козачьихъ жалованныхъ земляхъ старшина и церковники устроїла слободы, хутора и населили ихъ вольными козаками и посполитыми, съ которыми обращаются, какъ съ купленными крестьянами. Посему я предлагаю какъ старые, такъ и вновь населенные, въ противность жалованнымъ грамогамъ и указамъ, слободы и хутора отнять у старшины и церковниковъ и причислить къ владѣнїямъ обществъ войсковыхъ обывателей, отъ чего въ службѣ ихъ произойдетъ прращенїе, а между ними наступитъ тишина и спокойствїе»¹⁾). Въ другой разъ Дзюба говорилъ подробно о монастырскихъ и церковныхъ имѣнїяхъ въ ахтырской провинціи, доказывалъ, что они прїобрѣтены и заселены такими-же путями, какъ и старшинскїя земли, по допущенїю старшинъ,²⁾ и требовалъ, чтобы всѣ они возвращены были прежнимъ ихъ владѣль-

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, стр. 370—371.

²⁾ Ibid., т. XXXVI, стр. 77.

дамъ, или просто бѣднымъ людямъ. Наконецъ въ послѣдней своей рѣчи тотъ-же депутатъ, настаивая еще съ болѣею силою на отпяти у старшины неправильно прибрѣтенныхъ ею земель, заявилъ, что справедливость требуетъ, чтобы тѣ изъ сыновей бывшей старшины, которые не пожелаютъ вступить въ службу, были положены въ подушный окладъ ¹⁾.

Проекты Дзюбы были крайне радикальны и не могли имѣть практическаго значенія. Дзюба мечталъ возвратомъ большей части крупной поземельной собственности прежнимъ мелкимъ ея владѣльцамъ возстановить древнее право на эти земли бывшихъ козацкихъ громадъ и разрубить такимъ путемъ тотъ гордіевъ узелъ, который тщетно пытались развязать бывшія прежде того разнаго рода комиссіи, въ одной изъ которыхъ въ качествѣ обвиняемыхъ должна была предстать едва не вся полковая старшина поголовно. У всѣхъ въ памяти было гравіозное слѣдствіе о мастиностяхъ ахтырскаго полковника Перекрестова, ссылака его и обращеніе въ казну громаднѣйшихъ его прибрѣтеній.

Войсковія и козація земли захватывала не одна полковая старшина, но и приливавшіе въ Слободскую Украину великороссійскіе и иностранцы, военные и гражданскіе чины. Крупная поземельная собственность дѣлала быстрые успѣхи, стѣпя все болѣе и болѣе мелкую козацію. Но кромѣ экономическаго неравенства, бывшее рядовое козачество стѣнялось и неравенствомъ социальнымъ, ибо для выдѣленія изъ среды его старшинскихъ дѣтей, кромѣ множества не нужныхъ должностей, была изобрѣтена новая должность подпрапорныхъ, соотвѣтствовавшая званію значковыхъ товарищей въ гетманщинѣ, а такими путями не только старшины, по и ихъ дѣти, переходили въ разрядъ дворянства.

Предложеніе Дзюбы хотѣло какъ-бы повернуть исторію назадъ; бывшее рядовое козачество устами его и другихъ депутатовъ стремилось исправить развившееся экономическое сословное неравенство; но было уже поздно. Радикальный проектъ Дзюбы встрѣтилъ сочувствіе только среди однодворческихъ депутатовъ, которые высказали пожеланія, мало чѣмъ отъ него разнявшіяся. Такъ, депутатъ съвской провинціи Петръ Гридинъ предлагалъ возвратить однодворцамъ

¹⁾ Ibid., приложение № 2, стр. 167—169.

тѣ земли, которыя были пріобрѣтены у нихъ вопреки запретительнымъ указамъ, а владѣльцамъ ихъ отвести вмѣсто того дачи изъ пустопорожниихъ государственныхъ земель¹⁾). Депутатъ хоперской крѣпости Алейниковъ предлагалъ, какъ мы уже знаемъ, отнять у старшинъ слободской губерніи ихъ подданныхъ и крестьянъ и запретить пріобрѣтать ихъ на будущее время. Но, кромѣ этихъ группъ, заявленія Дзюбы не могли встрѣтить сочувствія ни въ общественныхъ, ни тѣмъ болѣе въ правительственныхъ сферахъ; если одна часть дворянства (родовитая) и готова была противиться дарованію козацкой старшинѣ полныхъ дворянскихъ правъ, за то другая, достигшая его въ военной или гражданской службѣ, была вполне на ея сторонѣ.

Перейдемъ наконецъ къ обывательскимъ депутатамъ. Изъ нихъ выдвинулось только двое: харьковскій Кашиносъ и сумской Никифоровъ. Они представили два проекта—о положеніи и правахъ военныхъ обывателей и о словесномъ судѣ.

Кашиносъ, возражая на заявленіе дворянскаго депутата Боярдаго, что козаки переходили не отъ притѣсненій старшины, а съ цѣлью укрывательства отъ военной службы, говорить, что такое заявленіе вызвано желаніемъ оправдать своихъ собратій и укрѣпить такимъ путемъ земли, незаконно пріобрѣтенныя ими, ибо указы воспрещали старшинамъ покупать у подвластныхъ лицъ грунты, а они и сами совершали такія покупки и давали разрѣшеніе на это другимъ. «Въ виду сего, заключалъ Кашиносъ, я, въ согласіи съ депутатомъ Дзюбиннымъ, признаю полезнымъ причислить эти земли къ обществамъ военныхъ обывателей²⁾»).

Въ такомъ-же смыслѣ, но еще болѣе опредѣленно высказался и Никифоровъ. Повторивъ извѣстную исторію поселенія слободскихъ полковъ и пожалованія въ общую и личную собственность козаковъ нѣкѣмъ не занятыхъ земель для отбыванія военной службы, онъ переходитъ къ захватамъ и говорить, что «многіе помѣщики, живущіе въ сумскомъ полку, покушкою и разными происками пріобрѣли себѣ козацкія земли, а самихъ козаковъ обра-

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXVI, приложение № 1, стр. 163—166.

²⁾ Ibid., т. XXXII, № 1, 14, стр. 381.

тели въ своихъ подданныхъ». Въ подтвержденіе послѣдняго Никифоровъ указывалъ на случай въ мѣстечкѣ Пенѣ, обыватели котораго только по указу 1741 года, согласно ихъ жалобѣ, были опять приписаны къ козакамъ, по рѣшенію сената, прибавляя, что и въ настоящее время пѣкаторые владѣльцы покушаютъ козацкии грунты и обращаютъ себѣ въ подданство козаковъ. Для устраненія указанного зла Никифоровъ предлагалъ:

1) «Дябы впредь ни подѣ какимъ видомъ въ сумской провинціи государственныхъ войсковыхъ слободъ въ подданство помѣщикамъ не обращать и обывательскихъ земель не покупать.

2) Исключить изъ подданства тѣхъ козаковъ и подпомощниковъ, которые живутъ и нынѣ на собственныхъ своихъ земляхъ, причислить ихъ къ обществамъ обывателей и обложить такимъ окладомъ, какой платятъ другіе, годныхъ-же брать въ гусары; такой-же окладъ положить на дѣтей разношницевъ, пользующихся правами, равными съ правами войсковыхъ обывателей.

3) Войсковымъ обывателямъ дозволить во всей слободской украинской губерндіи продавать и закладывать другъ другу собственные свои заимочныя и купленные земли по старинному обыновенію¹⁾.

Другая записка Никифорова касается вопроса о винокурениі и продажѣ вина. «Въ двухъ, говоритъ онъ, уѣздахъ сумской провинціи, суджанскомъ и миропольскомъ, свободное винокурение, продажа вина и соли запрещены съ 1753 г. и съ того-же времени учреждены питейные дома и казенная продажа соли. Питейный сборъ теперь отданъ на откупъ орловскимъ купцамъ, которые заботятся не о казенномъ интересѣ, а о собственномъ обогащеніи; эти откупщики держатъ у себя по 30 и болѣе цѣловальниковъ, которые причиняютъ разныя обиды обывателямъ. Между тѣмъ въ слободѣ Юнаковкѣ, принадлежащей князю Голицыну, подданные его малороссіяне пользуются и свободнымъ винокурениемъ и продажей вина и соли, въ явный ущербъ свободнымъ обывателямъ. Мало того: упомянутые откупщики останавливаютъ жителей названыхъ уѣздовъ, когда они по необходимости поѣдутъ въ эту

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, приложеніе № 70, стр. 527—531.

свободу для продажи хлѣба, задерживаютъ подъ предлогомъ розыска контрабанднаго вина и забираютъ все то, что при нихъ находятъ, нападаютъ на обывательскіе дома будто-бы для обыска вина и тѣмъ причиняютъ несносныя обиды. Въ виду сказаннаго Никифоровъ просилъ отъ имени своихъ избирателей, чтобы на будущее время всѣмъ обывателямъ, уплатившимъ 95 коп. оклада, была подтверждена свобода курить вино зимою и лѣтомъ, при чемъ опъ цифрами доказывалъ выгоду такого установленія для казны.

Послѣднимъ вопросомъ, выдвинутымъ харьковскимъ обывательскимъ депутатомъ Капиносомъ, былъ вопросъ о словесномъ судѣ. Капиносъ предлагалъ производить разбирательство въ гражданскихъ дѣлахъ на сумму до 50 рублей словесно, съ записываніемъ рѣшеній въ журналъ не позже двухъ-недѣльнаго срока, письменный-же судъ давать только тѣмъ, которые будутъ недовольны рѣшеніемъ словеснаго; но если недовольный окажется виновнымъ и при письменномъ разбирательствѣ, то съ него брать двойную судебную пошлину¹⁾.

И такъ два представителя отъ войсковыхъ или, какъ теперь они стали называться, казенныхъ слободъ слободско-украинской губерніи энергически отстаивали свои насущные интересы. Въ особенности Никифоровъ обставлялъ свои *disiderata* серьезными данными. Сходясь въ основныхъ положеніяхъ съ Дзюбою, опъ былъ практичнѣе его; всѣ его предложенія были удобоисполнимы и, какъ кажется, дѣйствительно могли принести существенную пользу войсковымъ обывателямъ, прекративъ или по крайней мѣрѣ значительно ограничивъ на *будущее* время то обезземленіе слободскихъ козаковъ, которое стало замѣчаться еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Предоставленіе льготъ по части свободнаго куренія и продажи вина и соли, конечно, отзывается исключительностью; но оно является совершенно естественнымъ для того времени, когда многое основывалось на частныхъ привилегіяхъ и изытіяхъ. Вопросъ въ этомъ случаѣ шелъ о такой привилегіи, которая являлась чрезвычайно важной и почти необходимой въ хозяйственномъ быту. Вся та масса хлѣба, которая въ Малороссіи

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 140.

оставалась отъ потребленія, пла исключительно на винокуреніе и только въ такомъ видѣ имѣла сбытъ на торговыхъ рынкахъ. Правда, это винокуреніе имѣло свои невыгодныя стороны, между прочимъ уменьшеніе лѣсовъ; но и система казеннаго кабака и казенной соли имѣла еще болѣе невыгодъ и отрывала широкій путь злоупотребленія.

Мысль Капиноса объ учрежденіи словесныхъ судовъ заслуживаетъ также вниманія. Тогдашніе письменные суды съ ихъ безкочечнымъ бумажнымъ производствомъ, съ замысловатымъ крючкотворствомъ доморощенныхъ ходатаевъ по дѣламъ, дѣйствительно должны были возбудить противъ себя неудовольствіе у всѣхъ тѣхъ, кому выпадало несчастіе имѣть съ ними дѣло. А кому не приходилось судиться въ тотъ вѣкъ, когда существовавшіе законы оказывались недостаточными для огражденія личности и собственности! Словесный судъ, если-бы не оказался «милостивымъ» или даже «правымъ», то былъ-бы по крайней мѣрѣ «скорымъ».

Вотъ все, что мы могли собрать о выборахъ слободско-украинскихъ депутатовъ въ Екатерининскую комиссію для составленія проекта Новаго Уложенія и тѣхъ мнѣній и желаній, какія они высказали тамъ какъ по общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. Со временемъ мы надѣемся въ такомъ-же порядкѣ и видѣ изложить имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы о выборахъ и дѣятельности въ той-же комиссіи малороссійскихъ и запорожскихъ депутатовъ. Быть можетъ, пали свѣдѣнія и соображенія не лишними окажутся для будущаго историка Екатерининской комиссіи и онъ воспользуется ими для своего цѣльнаго и болѣе виднаго труда.

Дмитрій Багалъй.